

Алексей ГОРШЕНИН

ЗВУЧИ, ЗВУЧИ, РОДНОЕ ПЕНЬЕ!..*По страницам прозы Виктора Сайдакова*

*...И плачу я, большой и сильный,
уже давно немолодой,
над золотой травой и синей
и над зеленою водой.
Над светом детства промелькнувшим,
над чистым звуком горловым,
над всем прекрасным, да минувшим,
над всем минувшим, да живым.*

Владимир Башунов

Как автор художественных произведений Виктор Иванович Сайдаков активно заявил о себе не так давно, хотя со словом прочно связан большую часть жизни.

Началась она в поселке Сибирском Купинского района Новосибирской области, отстроенном когда-то детьми крестьян-переселенцев в этом уголке Кулундинской степи. Здесь в июле 1951 года В. Сайдаков появился на свет, провел детство, окончил десятилетку. Через несколько лет с дипломом Новосибирского педагогического института распределился в школу села Шипуново Сузунского района, откуда через год был призван на срочную службу в ГСВГ*. Ее он проходил рядовым в должности стрелка-пулеметчика. Вернувшись из армии в родные края, стал трудиться в средней школе, сначала учителем, потом завучем.

Далее судьба увела В. Сайдакова от просвещенческой стези в сторону журналистики. Переехав в Новосибирск, он два года работал корреспондентом в многотиражной газете «Знамя труда» на заводе «Сибсельмаш», потом перешел в газету «Советский воин» Сибирского военного округа. Здесь в добровольном порядке был призван офицером в кадры Вооруженных сил и стал военным журналистом. Без отрыва от газетной работы экстерном окончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище.

Затем были стажировки в «Комсомольской правде», публикации в столичных газетах, служба в Москве в журнале министерства обороны «Советский воин». После открытия корреспондентских пунктов этого военного издания на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке он был направлен в Новосибирск на должность старшего постоянного корреспондента...

* ГСВГ — Группа советских войск в Германии.

После увольнения из армии полковника запаса Сайдакова пригласили на работу в межрегиональную ассоциацию «Сибирское соглашение», где он десять лет возглавлял департамент по информационно-аналитической работе. Одновременно на радио «Слово» в Новосибирске вел авторские программы «Честь имею», «Рассказы о живой истории Сибири», «Слово о малой родине», «Память войны», «Сибирь-матушка» и др.

Но все теснее становилось Виктору Ивановичу в журналистике. Он начинает энергично реализовывать свой творческий потенциал в художественных произведениях — стихах и прозе. Справедливости ради отметим, что его литературные произведения явились читателям не сразу, не одним толчком. В 1980-е годы в периодической печати, особенно в военной, довольно часто печатались его достаточно зрелые литературные вещи. Но газетная периодика не может размещать произведения больших форм. Значительные публикации В. Сайдакова — стихи, рассказы и повести — стали появляться лет десять назад в журналах «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Новосибирск», «Воин России», «Честь имею». Находят они место и в коллективных сборниках. Его имя как поэта и прозаика завоевывает признание все более широкого круга читателей. Он становится лауреатом литературной премии имени Петра Дедова в стихах и прозе. В 2021 году появляется том избранных произведений В. Сайдакова «Сияющие окна», отмеченный годом позже литературной премией имени Н. Г. Гарина-Михайловского. Таким образом, одним самобытным писателем на сибирских просторах стало больше.

* * *

С чем пришел писатель Виктор Сайдаков к своим читателям? Сквозной темой практически всей его прозы стала жизнь сельской сибирской глубинки второй половины прошлого века.

Виктор Сайдаков далеко не первый, кто к ней обратился. После В. Астафьева с В. Распутиным, П. Дедова с М. Щукиным и многих других, казалось бы, сказать о жизни села больше нечего.

Однако В. Сайдаков в своих произведениях находит новые повороты и грани, свежие краски и образы, незамутненные чувства, лишней раз подтверждая мысль, что для талантливого художника банальных и заезженных тем не существует.

Сам выходец из сельской глубинки, Виктор Иванович прекрасно знает и любит ее. Она ему близка и дорога, потому что для него это больше, чем просто тема. Здесь его корни и истоки, малая родина с родительским домом, где прошли детство и юность. Краеугольные эти устои в целом общие, но у каждого свои. Надо только суметь отобразить и донести их в художественном слове, что писатель делает небезуспешно.

Если говорить о «координатах» бытия героев его прозы, то они четко очерчиваются строками из стихотворений алтайского поэта В. Башунова: «Не тикая, идут часы мои / в кругу природы, / родины, семьи». Именно в этом неразрывном «кругу» и обитает большинство персонажей В. Сайдакова — людей «озерно-степного края» Кулунды.

Что это за люди, чем интересны и примечательны?

Обычные вроде бы сельчане с традиционными своими занятиями и образом жизни: хлеборобы, животноводы, рыбаки, механизаторы... И тем не менее во многих из них видит автор (и показывает читателю) индивидуальные особенки, благодаря которым обретают они «лица необщее выраженье».

Взять, скажем, тридцатилетнего совхозного бригадира Сашку Грамотина из рассказа «Покурить ночью», который «по ночам постоянно открывал что-то новое» в родной деревне, природе, в себе. Эти «открытия» помогают ему уйти от однообразной, монотонной, угнетающей обыденности. А еще осознать, как непостижимо велик и прекрасен окружающий мир. Любуясь нерукотворной красотой звездного неба, Сашка начинает задумываться над вопросами вселенского бытия, в том числе о месте и значении в нем человека:

Сашка вел головой от одной стороны небосвода к другой, вбирал глазами россыпи светил и шалел от непостижимой красоты и непонимания всего этого. Неужели эта бездна, как учили в школе, бесконечна? И как это понять — бесконечность? И почему эта красота видна только ночью, когда люди спят? Значит, не для людей? Для кого?..

Близок Сашке по складу души и мироощущению главный герой рассказа, а фактически небольшой повести «Ясное море!» совхозный водовоз Иван Коршунов. Он гораздо старше Грамотина, другое поколение, но и в нем горит в полный накал самозабвенная влюбленность в родной край, где он то и дело открывает для себя что-то новое, неожиданное. Более того — в постоянном предвкушении этого он и живет.

У Ивана на душе то сладостно-тревожное состояние, какое бывает у человека, когда он возвращается после долгого отсутствия в родные места. Искушалась, истомилась душа по желанному для глаз простору. Не сосчитать, сколько раз он проезжал по этим местам, а теперь будто заново открывает для себя эти гривы, покосы, березово-осиновые околки. А воздух!.. Иван дышит и не может насытиться родным, солоновато-сладким степным воздухом.

Есть у Ивана Коршунова и свой «особый мир», заветный, зарождающийся на пике лета.

К этому времени пройдут дожди, крепко завяжется колос, и над землей повиснет знойная марь. В один из таких дней Иван обязательно идет к озеру, а потом, оставляя позади птичий гомон, медленно поднимается на гриву и останавливается наверху, чтобы сразу видеть и озеро, и яр, и пшеничное поле. Далеко на горизонте оно сливается с небом. Здесь стоит звенящая тишина, изредка перебиваемая нежным шелестящим звуком кузнечиков. И в этой первородной тишине, в благостном томлении пшеничного поля таится извечная сила нового урожая.

— Да ясное ты море! — восхищается Иван...

...Бывает, что и не хватает слов, и он не выдерживает непосильной красоты жизни и плачет, освобождаясь от переполняющего его сердце изумления. В этих слезах он никогда и никому не признается, даже самому себе.

Воспринимая ее каждой клеточкой своего существа, Иван буквально растворяется в этой красоте, которая не просто радует глаз, ласкает душу и

сердце, но и является для Коршунова животворным источником жизненной энергии. При всем при этом он не пустопорожний созерцатель, а умный, рачительный крестьянин-труженик, умеющий работать настолько же рационально, насколько и красиво. Просто не мыслит Иван себя без всегда прекрасного для него озерно-степного простора, ставшего неотъемлемой частью его собственного существования.

Однажды Коршунову выпало съездить по путевке в хороший санаторий на три недели безмятежного отдыха. Но он не выдержал и половины срока.

Иван, привыкший к постоянной работе в доме, во дворе или поле, здесь чувствовал себя неловко от вынужденного безделья...

Оно угнетает Коршунова, делая его с каждым днем все «раздражительнее и говорливее». Иван «...стал почти непрерывно думать о доме, об Ане и ребятишках. Подсчитывал, будут ли после его приезда петъ жаворонки или уже рассядутся по гнездам... Но больше всего угнетали праздность и отсутствие степного простора. В общем, хотелось сбежать отсюда, как говорится, куда глаза глядят».

И он сбегает. На удивление персоналу санатория и генералу Затулину, бывшему его комбату, устроившему сюда Коршунова. Они не в силах поступок Ивана понять, а тот «...объяснить, что глаза и сердце сжились с этим яром, покосом, озером. Что стоит там еще древняя береза, под которой отец, а может быть, и дед всегда ставили первую копну. А рядом, в тени берез, в диком смородиннике, из лета в лето, из покоса в покос, из поколения в поколение, пережидая июльский зной, садились обедать и отдыхать всей семьей...»

И эта впитанная с молоком матери «сжитость», дает понять автор, стала как бы родовой чертой жителей «озерно-степного» края, представителем которого Коршунов и является. По большому же счету она, «сжитость», еще и отправная точка, и доминанта их негромкого, непоказного патриотизма. Правда, в тексте повести слово *патриотизм* произносится только один раз, и то как бы со стеснительностью, с оговоркой, но витает, проглядывает как в некоторых весьма колоритных штрихах и деталях повествования, так и в оригинальном его восприятии некоторыми персонажами.

Таких, как дед Дорофеев, утверждающий, что, какие бы перемены ни происходили на родных пашнях, лугах и покосах, травка «та же... Запашистая...». И запах ее для крестьянина той местности, где она произрастает, не похож ни на какой другой. И уж тем более невозможно ее спутать с чужеземной, убежден Дорофеев, которому еще в Первую мировую довелось в разных европейских странах побывать.

У германцев мне тоже приходилось косить... Травки-то вроде знакомые, а понюхаю — нет, не наши. Видишь, парень, на чужой земле и трава по-чужому пахнет...

Запах родины. Можно сказать, в чистом, а не метафорическом виде.

Впрочем, забегая вперед, отметим, что запахом малой родины пропитана практически вся проза В. Сайдакова. Но это далеко не только сладостнотомительный дух степного простора. Он — разный. И даже очень тяжелый подчас. Но об этом позже.

А пока последуем за водовозом Иваном Коршуновым, который в горячую сенокосную пору развозит косарям воду в большущей бочке, кое-как уместившейся в бричке. Вокруг бочки, вернее, маршрута, который совершает она, направляемая водовозом от одного полевого стана к другому, и вращается совершенно незатейливый сюжет. Именно бочка становится у автора основой нехитрого рассказа об одном рабочем дне из жизни кулундинской деревни первых послевоенных десятилетий и композиционным стержнем повествования.

«Надо же, все вертится около какой-то бочки с водой!» — удивляется бригадир косарей Краснощеков.

Сами собой напрашиваются соответствующие моменту известные поэтические строки: «Нынче всякий труд почетен, где какой ни есть. Человеку по работе воздается честь». Но это скорее внешняя сторона, идейное обоснование нужности и полезности любого созидательного дела. Суть же повести глубже и несколько иная. А заключается она в том, что в сельском труде, как и вообще в жизни крестьянина (неважно, какое время на дворе), не бывает мелочей, важного и неважного, главного и второстепенного. Все в ней равновесно, равновелико и равноценно. Думается, что даже сегодня, в эпоху промышленного сельхозпроизводства с гигантскими агрохолдингами, разрушения общинного уклада деревенского бытия, с этим трудно поспорить.

Что касается водовозки, то ее роль и значение в системе сельскохозяйственных отношений оценивает в повести сама жизнь. Тот же Краснощеков серьезно заболевает и надолго выбывает из строя, а новый (вместо него) молодой бригадир в разгар сенокоса взял да и убрал водовозку. Якобы «за неадекватностью».

И все как-то пошло наперекосяк. Сено, конечно, косили, скирды ставили, вывозили, но не было того настроения, с каким собирались раньше люди, встречая водовоза.

Почему, спрашивается? Отчасти потому, что Иван всегда набирал воду в колодце, привозил ее холодной, свежую. А набранная механизаторами из скважин быстро «становилась теплой и противной». Но, по рассуждению самого Коршунова, была и причина иного, не материального характера:

Сенокос у русских людей с давних пор считался праздником. Пусть с тяжелым, даже изнурительным трудом, но праздником. Недаром в поле в то время практически не было нерях или пьяниц. Прихорашивались, наряжались. Обязательно надевали чистое, опрятное... Теперь стали меньше работать артелью, гуртом даже на сенокосе. Он (Иван. — А. Г.) понимал, что его водовозка — последнее крохотное напоминание о совместном труде «на миру» — том, на котором и «смерть красна».

После возвращения бригадира Краснощекова в строй бочку вернули, и люди в бригаде повеселели...

Водовозка, получалось, выполняла, кроме сугубо практических, хозяйственных функций, еще и роль своеобразной скрепы: духоподъемной, эмоциональной, а в конечном счете — объединительной.

Для самого же писателя водовозка Коршунова с ее колоритным «рулевым» становится своеобразным художественным инструментом, помогающим

увидеть «озерно-степной» край с его жителями четче, глубже, объемней, ощущая в то же время, насколько при кажущейся монотонности многообразна и богата оттенками здешняя жизнь.

И не только многочисленные степные пейзажи, разбросанные по прозе В. Сайдакова, весьма красноречивые тому художественные подтверждения.

Его произведения достаточно густо населены. Но большинство их персонажей несут в себе черты фактически одного типажа — сибирского крестьянина, волею исторической судьбы впитавшего в себя различные (географические, национальные, этнические, религиозные и прочие) истоки. Это, однако, не делает их однотипно безликими, как каменные идолы острова Пасхи. Напротив, каждый индивидуален. Эта индивидуальность подчеркивается им, помимо прочего, в словесных портретах — живых, зримых, выпукло, рельефно и убедительно выписанных. Автору, как говорится, веришь на слово.

Но вернемся к Коршунову с его трепетным отношением к каждой «мелочи» в окружающем мире.

Впрочем, складывалась жизнь Ивана не из одних только привычных и непреложных «мелочей» крестьянской жизни, составляющих ее суть и смысл. Было и другое, куда более горькое, трагичное и в то же время противоестественное — война. Ее сержант Коршунов прошел сапером и в одном из боев, спасая товарища, получил контузию и тяжелое ранение от мины вражеского миномета, осколок которой навсегда застрял рядом с позвоночником. Давно закончившись, война продолжает приходить Ивану во снах. Но снится она уже как бы в современном ему контексте: «На траве, рядом со скирдами сена стоят ребята его взвода и Затулин». Но «не с автоматами и винтовками, а с литовками и граблями». А комбат говорит Коршунову:

— На сенокос к тебе, Иван, пожаловали. Возьмешь в свою команду? Только к обеду чтобы водичка была холодненькая из колодца...

В рассказе «Загонка» тоже страда, правда, не сенокосная, а хлебоуборочная. И времена уже постсоветские, когда начинают меняться многие взгляды, подходы и отношение к делу. В бывшем совхозе, а ныне акционерном обществе «Степноозерный» осталось убрать поле экспериментальной пшеницы, но люди до предела вымотались, и директор Прохоров объявил механизаторам выходной. Но вдруг он узнает о штормовом предупреждении с дождем, снегом и ветром на следующий день. Отменный урожай элитного зерна под угрозой. И Прохоров встает перед серьезной проблемой: как уговорить измученных людей вместо выходного снова выйти на работу для спасения урожая? Проблемой не столько командно-административной, сколько морально-этической и нравственной.

Директор уговорил комбайнеров, пообещав им в качестве бонуса ящик водки и шашлык. Однако не бонус сыграл решающую роль. Просто для механизаторов «Степноозерного» «хлебное дело», не втискивающееся ни в какие регламенты и прагматичные рамки, оставалось, как и для их отцов, дедов, прадедов, основой крестьянской жизни и их собственной сущности. В силу чего не могут оставить они не сжатое до конца пшеничное поле на погибель стихии, а потому, себя превозмогая, идут спасать урожай.

А когда дело сделано, смертельно уставшие комбайнеры, едва прикоснувшись к обещанному бонусу-угощению, засыпают под брезентом прямо у скошенной загонки.

Директор глядел на спящих мужиков, и перед глазами вдруг встала картинка: его взвод, спящий вповалку после боя около одной украинской деревеньки... Он отмахнулся от видения — не любил вспоминать войну.

— Отдыхайте, солдатушки! — сказал он механизаторам. — Хорошо повоевали!

Нетрудно заметить, что финал рассказа «Загонка», в котором сон хлеборобов, спасших урожай, ассоциируется у директора Прохорова со сном солдат после боя, явно перекликается с концовкой повести «Ясное море». И тут и там проводятся писателем символические параллели с временами военными. В этом есть своя закономерность

Когда-то поэт-фронтовик из Кузбасса Е. Буравлев сказал: «Из одного металла льют / Медаль за бой, медаль за труд».

На конкретных эпизодах жизни людей «озерно-степного» края автор как раз и напоминает о том, что крестьяне русские и на ратных, и на хлебных полях были самоотверженными бойцами-тружениками. И напоминание это сегодня вовсе не кажется лишним.

Великая Отечественная война так или иначе нередко возникает на страницах прозы В. Сайдакова. Во времена, которые изображает писатель, она еще свежа в памяти подавляющего большинства его земляков, многие из которых непосредственно на себе испытали ее губительный жар. «Не все вернулись соколы», — поется в известной песне. Но и на судьбах тех, кто уцелел, война отразилась по-разному. Иным и места не оставила в мирной жизни. Как случилось это с деревенским столяром и плотником по кличке Каля-маля из одноименного рассказа В. Сайдакова.

В деревне его считают человеком не от мира сего, малахольным и даже как бы юродивым. Контуженный в войну, он действительно бывает иной раз не в себе. Особенно когда выпьет. Но в День Победы у обелиска павшим бойцам, где собираются жители деревни на посвященный этому событию митинг, даже мужики, побывавшие на войне, с удивлением отмечают, сколько боевых наград на груди невзрачного и чудаковатого Каля-мали! А он «идет от обелиска последним. Плачет, прикрываясь фуражкой, и произносит мало-понятные слова:

— Ребятишечки-то какие позаснули на войне, да не только же здесь, а в каждой деревне, в каждом хуторе... Вот бы все-то встали да пошли — это сколько их бы было? Не сосчитать... Ой, что же мы там наделали, на войне-то этой? Что наделали? Как же простить это?»

А еще иногда бормочет в подпитии: «Вы ничего не знаете про меня... И не надо знать. Ох, не надо... Нельзя такое знать. И про себя тоже...»

О чем он? Ответа на этот вопрос читатель не получает. Но догадывается, что несет в себе и ревностно оберегает Каля-маля какую-то страшную, неразрывно связанную с великой бедой войны тайну, которая не дает ему спокойно и безмятежно дожить свой век. Автор же, намекая на ее существование, хотел, полагаю, особо подчеркнуть, насколько глубоко и болезненно

может входить война в человека, какой жестокий и неизгладимый отпечаток может она отложить в его сознании и душе, на всей личности.

Образ Каля-мали — трагический по сути своей. Но трагизм здесь не внешний, хорошо заметный и понятный, а скрытый в самых потаенных и недоступных для посторонних душевных глубинах. Отчего образ обретает налет мистичности.

Странная жизнь Каля-мали и закончилась весьма загадочно. Во всяком случае, как это произошло, никто в точности не знал. «Говорят, его обнаружили мертвым на обочине дороги между двумя деревнями. Куда он направлялся? В село, где родился? Ходили слухи, что его сбила машина. И другое говорили: перед тем как он покинул наш поселок, его кто-то сильно избил...»

«Не взяли в жизнь Каля-малю после войны. И не одного ведь его...» — делает вывод автор. И трудно с ним не согласиться: действительно, сколько таких вот, покалеченных физически и психически, война оставила за обочиной нормальной жизни! Об одном из них писатель Сайдаков нам и рассказал.

Нетрудно заметить, что и Сашка Грамотин, и Иван Коршунов, и Каля-маля, и ряд других персонажей В. Сайдакова — вариации одного достаточно традиционного архетипического образа, кочующего по произведениям многих писателей и корнями своими уходящего в фольклорно-мифологические толщи. Образ этот как явление не имеет жесткой привязки к определенному времени, месту, социальному статусу, возрасту. Его характерные черты можно встретить у князя Мышкина из романа Ф. Достоевского «Идиот», в «чудиках» из рассказов В. Шукшина, а к их дальним прототипам можно отнести и церковных юродивых и кликуш минувших столетий, и сказочного Ивана-дурака, и других подобных персонажей.

Знакомя читателей со своими «чудиками», В. Сайдаков продолжает эту традицию. Но его «чудиков», за исключением, пожалуй, только Каля-мали, объединяет не чудаковатость в качестве определенного психического отклонения, а восприятие жизни как чуда, когда, несмотря ни на что, окружающий мир видится им удивительным и прекрасным. Отчего и сами они предстают чудесными, душевно красивыми людьми.

К таким героям больше всего тяготеет и сам писатель В. Сайдаков. Они — цельные, незаурядные, наполненные духовной и нравственной силой — становятся любимыми его персонажами, о которых ведаёт он читателям с большой теплотой, любовью, лиричностью и, чувствуется, с радостью и удовольствием. Повесть «На два голоса» — ещё одно тому красноречивое подтверждение.

В ней В. Сайдаков продолжает воссоздавать ушедшую в прошлое, но оставшуюся в его памяти жизнь сибирской деревни нескольких послевоенных десятилетий.

Место действия повести — два села в Кулундинской степи: Степновка и Кулеба, где родились и выросли главные герои. Если со Степновкой все ясно, то значение названия Кулеба для современников весьма туманно и загадочно. Не может объяснить его смысл ни топонимика, ни краеведение. А ларчик, оказывается, открывается настолько же просто, насколько и неожиданно.

Когда на исходе XIX века группа переселенцев с Полтавщины добралась до этих краев и увидела, сколько в здешних озерах рыбы и всякой водоплавающей дичи, ее удивлению не было предела.

Потом впервые за много дней ели горячее варево. Нахваливали:
— Вот это суп, вот это кулеба!

А затем кто-то предложил назвать Кулебой (в буквальном переводе с украинского — густой суп, похлебка с пшеном) будущее поселение.

Посмеялись и согласились. Так появилась на сибирской земле еще одна деревня. Со странным названием...

В ее появлении и дальнейшем существовании нашла свое отражение история освоения этой сибирской окраины:

Дождями и ветрами, снегами и бешеными степными падерами, лютыми морозами вперемешку с крутыми событиями — войнами, революциями, сменами вождей, со свадьбами и похоронами, рождениями беспокойной ребятины и с вековой надсадной работой отшумело над рыбацкой деревней больше ста лет...

В центре же повествования муж и жена Артемовы, как бы связавшие семейными своими узами родные селенья, такие во многом разные. И в то же время Степан и Лида — это «два голоса» одного слаженного семейного дуэта, две половины единого целого.

Супруги везде вместе: и на работе, и в гостях на гулянке, и «в совхозных делах, и по хозяйству дома». Им приходится «крутиться, работать, иногда до изнеможения, чтобы поднять четверых пацанят на ноги».

В работе они... больше молчат. Взглядывают только теплыми глазами друг на друга. Трудно им. А хорошо бывает. Потому что вместе. Как в песне на два голоса. По отдельности можно петь. А вот чтобы вместе — не у всех получается. Созвучие должно быть. И любовь.

Но этого, убеждает своим повествованием Виктор Сайдаков, у Артемовых в достатке. Отчего и песнь их семейная, на зависть многим, хороша.

Однако не сразу, не вдруг она у Лиды со Степаном так ладно и в унисон зазвучала. Годами складывалась, через уготованные судьбой тернии к звездам прорывалась, чтобы там, в высях горних, обрести гармонию и зазвучать под аккомпанемент вечной мелодии любви, органично соединив оба голоса, в единосущной и нераздельной слитности.

Но вот что примечательно и заметно повышает доверие к автору: вспоминая со светлой печалью свою озерно-степную глубинку, ее «хороших людей», которых в повести «На два голоса» представляют прежде всего супруги Артемовы, В. Сайдаков не пытается в порыве ностальгического умиления идеализировать малую родину, приукрашивать ее. Не занимается, как справедливо пеняли иной раз любителям литературной ретуши критики послевоенных десятилетий, «лакировкой действительности». А подходит вполне объективно, отмечая, что крестьянское сообщество на поверку было не таким уж и единым. Как и везде, разные здесь жили люди. Настолько подчас разные, что даже в ближайшем окружении, среди хорошо знакомых людей,

даже в родне находились предатели, готовые подставить ножку завистники, доносчики...

Подтверждением тому может служить и судьба Степана Артемова.

В жизни его были и война, и тюрьма. Но если на войну он отправился семнадцатилетним добровольцем и достойно прошел ее с ранениями и контузией до победы, то в тюрьму попал без вины виноватый, по навету соседей и преступной подставе управляющего, испугавшегося и не заступившегося за Степана, когда тому подбросили в сани мешок казенного овса. А за несколько лет до войны так же, по оговору, были арестованы и бесследно исчезли в застенках НКВД отец Степана с несколькими односельчанами. Много позже выяснится, что оклеветал их дядька Степана и родной брат его отца Калистрат.

А «раскрутил» в обоих случаях дела сначала против отца (Василия), а потом и его сына (Степана) Артемовых один и тот же следователь Тонкогубов. С его — в 1937 году еще энкавэдэшника — подачи репрессировали кулебинских мужиков, а после войны, когда он стал следователем по уголовным делам, отправили за решетку и Степана. И автор не видит здесь случайного совпадения, поскольку для оголтелых фанатиков типа Тонкогубова клеймо «враг народа», которым были отмечены большинство его подследственных, оставалось несмываемым и пожизненным, как и отношение к ним. Случалось, что даже сосланные по оговору, ошибочно, долго еще оставались в поле зрения «компетентных органов».

В те времена если кто-то хоть раз попадал в руки НКВД, то его так просто не отпускали. И стукачи-доброжелатели со своими блудливыми душонками старались. Не могли они допустить, чтобы оклеветанный ими человек оставался чистым в глазах других.

Более того, клеймо «враг народа» не уходило в небытие вместе с самими репрессированными, а в качестве некоей «черной метки» передавалось их потомкам. На примере Степана Артемова, которого по большому счету осудили не за подброшенный мешок овса, а фактически как сына «врага народа», это хорошо видно.

Впоследствии, когда жизненные пути Степана и Тонкогубова пересекутся, бывший следователь попытается оправдаться тем, что он «здесь ни при чем», ибо «время было такое». Ссылку на время Степан не принимает. Позднее Александр Кушнер афористично скажет: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». И Степан Артемов мог бы подтвердить слова поэта собственным жизненным опытом. Но и добавить от себя, что «живут и умирают» в отведенные каждому времена по-разному. Кто честно, чисто, достойно, при любых обстоятельствах оставаясь настоящим человеком и оставляя после себя добрую память, как, например, зэк Лука — бывший офицер, попавший после фашистского плена в гулаговские лагеря и оказавший неоценимую моральную поддержку Степану, а кто и наоборот.

Да и на войне... Одни воевали, себя не жалея, жизни отдавали, землю свою от фашистской нечисти очищая, другие, шкуру спасая, предавали и шли к врагу в услужение. Вместе с тем на фронте все было гораздо ясней и понятнее, кто есть кто, а потому и проще: вот враг, и его надо бить. Но

как в мирное уже время в своей среде обитания распознать врага внутреннего, незаметного? Задачей это было куда более сложной и трудной, усугубляемой к тому же страхом. Не тем естественным страхом быть убитым, который удавалось преодолевать в открытом честном бою, а страхом иного рода.

Лишение свободы по обычному обвинению не прошло для Степана даром.

После тюрьмы в нем поселилась постоянная, скребущая душу тревога. Он ее глушил, прятал. Но она все-таки жила в нем и нередко пробивалась наружу вместе с безотчетным страхом. За ним, за этим страхом, притаилось одно: в любой момент его могут обвинить в том, чего он не делал...

И этот синдром подсознательного страха без вины виноватого человека неотступно преследует Степана неизлечимой психической травмой. Ушла его былая безоглядность, душевная распахнутость, уступив место постоянной настороженности, приморозило, ледком схватило «половодье чувств», глуше стал голос. А оттого и песня семейная окрасилась тревожной печалью.

И сколько еще за образом Степана Артемова угадывается таких вот «травмированных» не без «помощи» иной раз людей ближнего круга!..

На этой тревожно-печальной ноте произведение и заканчивается. Но песни испортить она уже не в силах.

А своего рода прототипом семейного дуэта Артемовых выступают у В. Сайдакова его собственные родители, о которых писатель вспоминает в автобиографических «зарисовках о прошлом» под общим названием «Жили и жили». Отцу с матерью полностью посвящена давшая название всему циклу одноименная новелла. Их образы и образ родительского дома просматриваются и в других воспоминаниях, начиная с рассказа «Сияющие окна», открывающего цикл, рассказа, можно сказать, знакового, рассказкамертона, задающего направление, ритм и тональность всей прозе В. Сайдакова. Не случайно писатель так же озаглавил и свою первую (и пока единственную) художественную книгу*.

Свет окон родных деревенских домов становится у автора символом сибирской деревни пятидесятых — семидесятых годов минувшего века. За каждым окном «своя уютная и, казалось, вечная жизнь», где царят «уют и доброта дома, любовь родителей». И долго еще не будет отпускать магнетическая сила родных «сияющих окон». Как признается герой-рассказчик, «родные окна снились мне потом всю жизнь. И в трудные годы в армии, и в чужих краях среди враждебных людей. Их свет поддерживал, наполнял силой и надеждой». В то же время звал обратно. Зов этот бывал настолько мощным, что заставлял мчаться в родные края при первой возможности.

Так происходит с героем его небольшой повести «На Яркуле», который приезжает из города на любимое озеро не столько порыбачить, сколько «увидеть его», «Яркулем подышать». Николай «давно за собой заметил: если за лето ни разу в своем любимом озере не искупается, не порыбачит

* Сайдаков Виктор. Сияющие окна. Стихи и проза. Новосибирск, 2021.

именно здесь, тогда и лета как будто не было. Даром прошло». Вот и блаженствует он в лодочке на озерной глади, вбирая «в себя славный денек, бережно опуская его в сердце, чтобы навсегда запомнить» и зная, что «вынет-ся оттуда этот денек когда-нибудь посреди зимы, вынет-ся разноцветным подарком озерно-степной родины, и легче ему будет переживать промозглую, серую городскую стынь».

А «подышать» есть чем. Полные сочных красок, разнообразных запахов, многоголосых звуков, чудной поэзии картины «озерно-степной родины», как и всегда, замечательно переданные автором, радуют душу и сердце, действуют целительным бальзамом.

Отплыв довольно далеко от берега, Николай решает искупаться. Но неожиданно сталкивается с непредвиденной ситуацией: нырнув с лодки, испугавшись, обратно забраться в нее не может. Не позволяют слишком легкий вес и конструкция складной рыбацкой лодчонки. Такова завязка, грозящая герою серьезными последствиями.

Николай начинает борьбу за существование. Какое-то время безуспешно. Николай выбивается из сил, но тут ему приходит на помощь некая чуть ли не мистическая сила...

Преодоление себя в чрезвычайных обстоятельствах, в момент наивысшего напряжения сил, на грани «быть» или «не быть», своих страхов и неуверенности, а через него обретение жизненной остойчивости, позволяющей оставаться на плаву даже в тяжелейших положениях, становилось во главу угла многих и многих художественных произведений. Как видим, и здесь ситуация далеко не новая. По сути дела, она в русской литературе классическая, когда в рассказе или повести ярко обозначен кульминационный поворот, после которого чаще всего развитие событий идет по другому пути. У В. Сайдакова такой момент почти во всех его основных вещах — а это по жанру скорее маленькие повести, а не рассказы, — наступает, когда герой находится в благостном равновесии с природой и людьми, в своем лучшем физическом и чувственном состоянии. В повести «На два голоса» — это арест Степана, в «Ясном море» — острое воспоминание Ивана Коршунова на курорте о войне и подрыве моста, в «Загонке» — сообщение о степной буре. Глава с эпизодом на Яркуле самая короткая, но самая динамичная, можно сказать, что это основной нервный узел произведения, где сошлись все вопросы, на которые должны ответить не только герой повести, но и читатели. Почему это произошло с Николаем? Наказание за глупо сказанные когда-то слова об отце? Какая сила его спасла? Николай не называет имени Всевышнего, но кричит в порыве страха: «Помоги, помоги, я прошу Тебя!» Последнее слово автор пишет с прописной буквы. Чудесное спасение приходит. Вернее, он сам его осуществляет, но так до конца жизни и не поймет, как это у него вышло. Или это тот самый случай, когда говорят, что «родная земля не выдаст»...

...Но все течет-меняется. «Целебный свет» «сияющих окон» родительского дома, покинутого со временем прежними его обитателями, погас. «Потом соседи по нашему дому разъехались. Их место заняли чужие, незнакомые люди — новая, нездоровая поросль, алчно живущая одним днем в наступившее тогда смутное и разорительное время для моей страны...»

А дальше и сама деревня ушла в небытие. Остались только воспоминания да саднящая тоска о «прекрасном, да минувшем», непонятная новым поколениям.

Оно вроде бы и в самом деле, какой прок печалиться о том, что отжило, чего не стало и уже вряд ли вернется? Надо просто сбросить этот балласт и, решительно перешагнув вчерашний день, двигаться налегке дальше. Рационально, оптимально и ускоряет путь к конечному результату, который в современном мире чаще всего выражается в денежно-материальном эквиваленте.

С позиций нынешнего жесткого, а порой откровенно циничного прагматизма проку действительно никакого. Однако кроме холодного расчета и выгоды, существует, к счастью, еще и память: память, связующая времена, эпохи и поколения, память, без которой лишено фундамента настоящее и призрачно будущее.

Мысль эта горячим кровотоком пульсирует как в собственно художественных произведениях В. Сайдакова, так и в его лирических воспоминаниях о родной деревне, в которых он показывает читателю, какой, при всех больших и малых его недостатках, прекрасный, полный добра и света самобытный мир уходит в забвение, порастая быльем.

И снова радуется нас писатель в «зарисовках из прошлого» словесным живописанием, рисуя все новые картины природы. На сей раз преимущественно зимние. В их снежно-морозном интерьере и предстает родная деревня писателя.

Зима. Белая-белая. Длинная-предлинная. Деревня тоже белая, занесенная снегом. На задах огородов она сливается со степью, растворяется в молочно-сизой дымке. Стужа. Мороз жмет градусов под сорок... Над нашей поляной, над палисадниками, над домами, в рощах висит замороженной взвесью прозрачный туман. А если в это время с полей дохнет ветерок — совсем становится невмоготу. Перебивает дыхание, сковывает руки и ноги, колет лицо. Чуть зазеваешься — нос и щеки побелели.

Упоминание в «зарисовках» о жгучих морозах, вообще сибирской погоде — вовсе не дань укоренившемуся еще в далеком прошлом стереотипу представлять Сибирь как край космических холодов. Просто погода всегда была важной частью бытия сибирского крестьянина. От нее зависел урожай, своими аномальными проявлениями (разрушительными иной раз весенними половодьями, летней засушливой жарой, затяжными осенними дождями и, конечно же, трескучими морозами) она испытывала сельчан на прочность. И не случайно в одной из «зарисовок из прошлого» («А теперь о погоде») эпизоды и детали сельского быта изображены в «контексте» крепкого сибирского мороза.

К примеру, возвращается мужичок домой.

Выпил... в соседней Куликовке, куда ездил, ну и сморило в дороге. Вожжи на всякий случай к ноге примотаны. Это — если вдруг вывалится в снег. Тогда вожжи натянутся, и лошадь одна никуда не уйдет, остановится. Вот и спал все время, а кобыла сама нашла путь домой и завезла его, умница, прямо в ограду.

Или такая характерная деталь быта сибирского крестьянина:

...Еще пельмени, которые лепили именно в такие морозы. Никаких холодильников тогда не было. А тут — куда как хорошо! Моментально схватываются, промерзают насквозь. Когда их потом в мешочки или в эмалированные ведра с жестяных листов ссыпали, они постукивали, как деревянные.

С сердечным теплом и любовью вспоминаются писателем вышивки цветными нитками мулине, куличи на Пасху... Красочно, зримо выписаны им уличные игры и забавы деревенской детворы и взрослых, их беззлобные подшучивания, розыгрыши друг друга.

Такого рода колоритные, «цепляющие» детали и подробности щедро рассыпаны по произведениям В. Сайдакова. Они дополняют, углубляют и при всей своей конкретной реальности художественно насыщают картину деревенского бытия, придавая ей вместе с тем местный (сибирский «озерно-степной») колорит и неповторимость.

Финальным аккордом книги «Сияющие окна» стала зарисовка «Жили и жили».

Жили и жили его родители, как и большинство односельчан, пишет В. Сайдаков, самой обычной деревенской жизнью. Жили трудно, но просто и понятно. Работали не покладая рук в совхозе, собственном подворье, без которого было не выжить. Растили, поднимали детей. Старались, чтобы выросли из них хорошие люди. Выросли дети, в самостоятельную жизнь ушли. Настали сроки — ушли и родители. В мир иной. Но нет, признается автор, «и сейчас живут. Бывает, среди суматошных дней будто толкнет кто меня — вдруг ясно услышу батину балалайку, ее тоненькую, дробно-звонкую мелодию. И мамин приглушенный голос, доносящийся с веранды:

— Да тише ты, Ваня!.. Тише! Ребятишек разбудишь!

Не надо тише! Играй, батя! Громче играй! Будите нас, родители! Будите! Не жалейте!»

Под аккомпанемент звучащей в нем мелодии «бабиной балалайки» писатель, вспоминая в повестях, рассказах, зарисовках родных и близких людей, соседей, земляков, родину свою малую, теперь и сам пытается разбудить от душевной спячки и освободить от беспомысленности их нынешних потомков в светлой надежде, что не прервется связь времен.

* * *

Заканчивая разговор о прозе В. Сайдакова, хотелось бы обратить внимание на одну любопытную особенность книги «Сияющие окна». Прозаическая по существу, она открывается блоком лирических стихотворений, в которых звучат практически те же темы и мотивы. Это наводит на мысль о том, что автор использовал подборку в качестве своеобразного поэтического эпиграфа. А познакомившись непосредственно со стихами, ее составляющими, приходишь к выводу, что талантливый прозаик Виктор Сайдаков, оказывается, еще и весьма даровитый стихотворец.

Но это, как говорится, уже другая история...